

Александр Радченко

СИНИЙ ЗОНТ

- Скифия -

Александр Радченко

СИНИЙ ЗОНТ

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24720915
Синий зонт. / Радченко А.: Скифия; Санкт-Петербург; 2017

Аннотация

Авторский сборник петербургского писателя Александра Радченко, в котором поэзия и проза, переплетаясь, создают единое полотно жизни. Бытовые зарисовки и философские рассуждения, авторский вымысел и реальность, которая интереснее любых фантазий – все есть в этой книге.

Содержание

Глава первая	6
Абсолютный стих	6
«Я сделал все наоборот...»	8
«Если пес-то лунный...»	9
«Вот бы иметь столько рук...»	10
«По протоке тонкой...»	11
Охота	12
В беседке	13
«От грозы шагала прочь...»	14
Грусть	15
«Зоггоастрийка беглая дикая...»	16
«Под кистью Куинджи рождается лето...»	17
«Вдохни огонь на Шангри-Ла...»	18
«Давай постоим под июльским дождем...»	19
«Стих не родится, локон не вьется...»	20
Это Архипов	21
«Лет двадцать примерно бомжую...»	22
«Склонилась ветка...»	23
Самурай и неверная жена	24
«Мой маленький и злобный азиат...»	25
«Из-за угла подошли мы...»	26
«Псом виляет лунный хвост...»	27
Эскиз № 1	28

Эскиз № 2	29
Эскиз № 3	30
Проходимке	31
И(деал)огия	32
«Ирисы вишневой ночью...»	33
Анютины глазки	34
«Ты* взлетела одна...»	35
«Пальцы легли руной света...»	36
Глава вторая	37
«Танцуют тени танго ночи...»	37
«Меж сердцем и гривой...»	38
«Меня истина манит сияньем...»	39
«Встретит, конечно, не водкой...»	40
«Плодом под утро отброшенным...»	41
Колодец	42
««Сохнет» дождь по цветам...»	43
«Будем друзьями, хоть понарошку?...»	44
«Абсент и коррида...»	45
«Облако-лето по осени мчится...»	46
«Купите, господа, розы...»	47
«Явилась утром в келью для раздора...»	48
Глава третья	49
«Я стираю не часто...»	49
«Пою кошерно, ем – потею...»	50
Кстати	51
Кто обидит поэта?	52

«Вот под зонтиком торчу...»	53
«Так создавалось мнение...»	54
«О чем молчит твоя печаль...»	55
«Храни меня, гусарский бог...»	56
Нордическая суббота, однако	57
Моя мечта	59
«Вологодский сказ о том...»	60
Глава четвертая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Радченко

Синий зонт

*Талант – то самое качество,
Которое велит тебе делать
все наоборот, все не правильно,
и убаюканный привычной
гармонией мир взрывается.*

Андрей Макаревич

Глава первая

Из жизни художника Альберта

Абсолютный стих

Кого-то лепили из глины,
А вас, безусловно, из теста.
Над вами вам пели былины
О белом царе и невесте
И в душу немного изюма,
И капельку рома с Ямайки,
Что ночью стащили из трюма.
Я третий на снимке без майки.

Р. S. Абсолютный встал.

Абсолютный сел.

Абсолютный стих.

«Я сделал все наоборот...»

Я сделал все наоборот:
Мой пианист стреляет первым,
Он, как умел, играл фокстрот.
Он, как хотел, лечил вам нервы.

Тогда вы были при князьях,
Хрустальный шар сиял при свите.
Маэстро вспомнил о друзьях,
О Вессоне и Смите.

Менялось время на часах,
Где циферблат без стрелок.
Раввин сказал, что был Пейсах,
Сметая все с тарелок.

А пианист играл фокстрот,
Играл его наоборот.

«Если пес-то лунный...»

Если пес-то лунный,
Если друг-то милый,
Если враг-то гунны
За спиной Аттилы.

Шляпа и гитара,
Куртка на диване.
Накопилась тара
И чужая в ванне.

Мотыльки летают,
От свечи огарок,
Тени нарастают
В свете желтых арок.

И под строчкой нота
Личного протеста
Да на стенке фото,

Где она невеста.
Где оркестр струнный,
Диксиленд нехилый,
Там, где друг не лунный,
Там, где пес не милый.

«Вот бы иметь столько рук...»

Вот бы иметь столько рук
И попросить третий глаз.
Было бы меньше разлук
И неоконченных фраз.

Вас просвещаю, пока
Заняты боги судьбой,
Держит за хвост облака,
Шива шестою рукой.

Держит за хвост облака,
Некогда руку подать
Смотрит как будто с тоской
И говорит: Так держать!

«По протоке тонкой...»

По протоке тонкой,
Управляя джонкой,
О тебе пою.
Как за горизонтом
Атмосферным фронтом
Баю ночь твою.
Или каплей звонкой
По щеке румяной,
Словно колокольчик
Тройки резво-рьяной.
Баю ночь твою,
Баю и пою.

Охота

Ведь будешь франки предлагать,
Шептать противно: «Обними»,
И прессе что-то нагло врать...
Да ври, конечно,
Черт с ними.
Иль сбрось
С тебя хандру —
Наряд невежды,
Слепую глиняную рать.
С короной пышные одежды
На Александрову кровать.
А мне зевать, Мадам, охота!

В беседке

В беседке миленькая вслух
читала Фета.
Соседская сирень над вечною
весной склонилась.
Нет, мне не послышалось,
Она сказала:
«Света. Я вас прошу уйти,
Пожалуйста, со мной.
Я брошу вас монеткою
на счастье
В небесно-голубой фонтан
Мечты.
Чтоб вспоминать порою
в час ненастья
Твои черты, твои черты».

«От грозы шагала прочь...»

От грозы шагала прочь
Дева краем сада.
Жуткий вой наполнил ночь,
Словно стон из ада.

И босая, без платка,
Чадо прижимая,
Оглянулась и стоит
Белая, немая.

Смотрит в волчьи глаза
И, забыв о страхе,
Хлопнула разок-другой
По своей рубахе.

Он дитя ее лизнул,
Мордою прижался.
Не заметил, как уснул
И во сне остался.

Грусть

Много лет понедельник,
Много лет вечереет.
Много лет враг-бездельник
На диване стареет.

Что нам даты и числа —
Календарное бремя.
Мы без всякого смысла
Примирились на время.

Что нам жизни-идеи
Когда подвиги-будни.
Если дети-злодеи,
Если женщины-блудни.

Верно, встретимся вновь
Мы порою весенней.
Закипит в жилах кровь
И придет воскресенье.

«Zorroастрийка беглая дикая...»

Zorroастрийка беглая дикая
По-персидски всегда многоликая,
Над кострами ночами парящая,
В злобной ласке ночами кричащая.

Непокорная и не битая
И местами шилом бритая.
Вся в орнаментах и наколочках,
Вся в булавочках и иголочках.

И на улицах Красной Пресни
Ты поешь невеселые песни.
Под гитару-подругу из детства,
Про судьбинушку с малолетства.

Где в могилке ты приземленная
И настолько в меня влюбленная.

«Под кистью Куинджи рождается лето...»

Под кистью Куинджи рождается лето,
Белеет краса среднерусских равнин.
Как жаль, что Дега не увидел все это,
Не видел Веласкес, рисуя менин.

Ты чей-то «surprise», не лишенный
тревоги.
Ты сказка под утро и легкая тень,
Бегущая с ветром по пыльной
дороге
Навстречу рассвету и чья-то
мигрень.

«Вдохни огонь на Шангри-Ла...»

Вдохни огонь на Шангри-Ла,
Лиши монаха оберега.
Там в трех лучах летит стрела
И птица Вещего Олега.

«Давай постоим под июльским дождем...»

Давай постоим под июльским дождем,
Синий зонт выбросив в клевер.
Продрогнем до судорог и подождем
Дю Солей, уходящий на север...

...вместо мокрого платья чье-то трико,
Ты позируешь ночью Пикассо
На мяче у костра, и бутылка Клико,
И в руке моей нож. Асса.

«Стих не родится, локон не вьется...»

Стих не родится, локон не вьется,
Нет унылой картины в окне.
Бабочка больше о лампу не бьется,
Мирно лежит на зеленом сукне.

Ваши обиды желтеют в конверте,
Джинном в нем бродит сюжетная нить.
Жаль, не читал, но я рад – вы поверьте,
Будет зимою, чем печь растопить.

Это Архипов

Александр Архипову

Затвор передернут, финка в груди,
Кровью залиты горные хаты.
По хрен. Бегу. Враг впереди
И сейчас я его аты-баты.

Встал на мину. Перепрыгнул забор,
С АГСом полет страшен.
Вновь кольнуло – в спине топор,
«Муху» взвел. Сарай мозгами окрашен.

Фески красные выются вокруг.
Из себя вынимаю финку.
Сколько было голов. И, конечно же, рук,
Время – «час». На бегу ем грудинку.
Вот бы с Лиговки Нинку.

«Лет двадцать примерно бомжую...»

Лет двадцать примерно бомжую,
Рюкзак дарит форму и статью.
И, как подобает буржую,
На рубль могу загулять:

На 10 копеек – цыгане,
За 20 до Лиговки свищем.
На 30 кутил в балагане,
А прочее – нищим.

«Склонилась ветка...»

Склонилась ветка
сливы розовой
Над ручьем,
Несущим цветок сирени
У горы Машук.

Самурай и неверная жена

Съешь в моей пагоде все,
Только бамбук не грызи.
Только изыди и лесом иди
У горы Фудзияма.

«Мой маленький и злобный азиат...»

Мой маленький и злобный азиат,
Венец Эпохи Вырождения,
Певец былых проказ и ад,
Натуры мертвой взлет падения.
Крапивных слов седая скука,
Рептильных глаз болотный цвет,
И воском залитое ухо,
И по плечам янтарный свет.

«Из-за угла подошли мы...»

Из-за угла подошли мы,
Стоп-гоп,
Взяла на себя много ты,
Стоп-гоп, у горы Фудзияма

«Псом виляет лунный хвост...»

*Ольге Ушаневой
Светлане Вайвод
Группе «Лунный пес»*

Псом виляет лунный хвост,
Мы идем на встречу солнца
В направлении норд-ост,
С отражением в оконцах
Чьих-то запертых домов,
Со следами светских сплетен,
Вдоль нечитанных томов,
Без которых мир конкретен,
В даль, над речкою ночной,
Где под веткою вишневой
Пил единорог ручной
В сказке Ольги Ушаневой.

Эскиз № 1

Настроение «Завтра» вечером.

Настроение «Ждал» целый день.

Выпил ром. Спать ложусь.

Делать нечего. Оглянулся. А зря. Моя тень.

Эскиз № 2

На холсте сырая осень,
С мастихина льют дожди.
Жду ее уже дней восемь,
Ученицу Джона Ди.

В черном зеркале покажет
Шамаханский дивный сад,
По руке моей расскажет
О работе на Моссад.

Нитью жемчуга стреножит
Для полета наяву.
В арбалет стрелой уложит
И натянет тетиву.

Проведет тропой Трояна
Меж неведомых земель,
Где слагалась Рамайна,
Где бессилен Ариэль.

Эскиз № 3

Гоню иллюзии с концами,
Как тройку по Владимирской Руси,
Летящую по тракту с бубенцами.
Чтоб я так мчался? Боже упаси!

Гора не стала ближе к Магомету,
А бросила лишь что-то на плетень.
Так поклоняйся завтра амулету.
Я буду прост. Я прихвачу кистень.

Проходимке

Не знаю, как благодарить
За смелый взгляд усталый.
Могу строкою озарить,
Но лучше «шпалы-шпалы»,
Где мчится поезд по спине,
Везет зерно и ласки,
Где кто-то скажет обо мне:
«О, сказочник... о, сказки».

И(деал)огия

– А как же та?

– А ей. Ей. Богу.

Такие строчки напишу,

Что только с ней я в путь-дорогу,

Мне только ту.

Мне только ТУ-154,

Воздухоплавания костюм,

Чтоб жить, как рыжему коту

На стареньком речном буксире,

И доступ в трюм.

«Ирисы вишневой ночью...»

Ольге Ушаневой

Ирисы вишневой ночью
В созвездии Тельца.
Ты в белой рубахе. Воочию.
С рыжим котом у крыльца.
Все мурлыкаешь тихо на ушко
Обо мне белоснежный романс.
Васильковая чудо-подружка
И ирисовый чудо-нюанс.

Анютини глазки

– А что было дальше?

– Могу и об оном.

Потом генеральша,

Притом с пансионом.

Деревня – душ триста,

Венки, хороводы.

Под звездами пристань,

В огнях пароходы.

То ярмарка в Туле,

То в пятницу гости.

Стреляю в загуле

Ворон на погосте.

А вниз, за рекою —

Анютини глазки...

Махнула рукою:

«Рассказывай. Сказки...»

«Ты* взлетела одна...»

Ты* взлетела одна,
Видишь* вечность без дна,
Небо га*снет и манит узором.
А*риадна не в счет,
коль беспечен полет,
Бездну* дразнишь
пленительным взором
у горы Фудзияма

«Пальцы легли руной света...»

Пальцы легли руной света,
Древо, как дева Виктория.
Снимок, где девочка эта,
В никуда не плывет которая.

Глава вторая

Ставлю на красное

«Танцуют тени танго ночи...»

Танцуют тени танго ночи,
Амуры на ветвях пируют.
Шаман запел, закрывши очи:
«Когда святые маршируют».
Альберта тень в кустах мелькнула,
Его ты видела недавно,
Волной волос к плечу прильнула...
А то, что было, и давно.
Ютландский скальд напишет в оде,
Лелея амулет сарматки,
И что-то скажет о погоде...
Я посвящаю вам загадки.

«Меж сердцем и гривой...»

Меж сердцем и гривой
Автограф души,
Колчан болью кованных песен.
Аз ведал глагол, прозвучавший в глуши,
Ребенком под ивой и пресен
Ему показался порядок вещей,
Вещдоком заполнена яма.
И вновь Поворот и зачахнет Кощей.
Чсть вам у горы Фудзияма.

«**Меня истина манит сияньем...**»

Меня истина манит сияньем,
Аккордом зажатых нервов.
Каково же на расстоянии
Архитектором быть для негров,
Реки наши сжимать мостами,
Если нити обрезали сами.
Взять бы гитару, 100 грамм под Ротару
И сделать все наоборот.
Что сказать вам? Поехали. Полный? Вперед!

«Встретит, конечно, не водкой...»

Гедре Вайтекунайте

Встретит, конечно, не водкой,
А шоколадом с какао.
«И» станет краткой и станет кроткой
Тайной про танец в Макао.
Еле заметно смутится:
«Комната. Кошка. Окошко».
Утром знакомые лица,
Ночью на ошупь немножко.
Алиби стали прочнее,
Йодом становятся виски.
Ты, что в окне вечереешь,
Если ушел по-английски.

«Пледом под утро отброшенным...»

Ольге Ушаневой

ПлЕдом под утро отброшенным
За Туманом озеро лесное,
Тайна лугов некошенных
СтАнет забавой весною.
ТиКают часики. По сердцу
МоЦарта грусти забвение,
ЕдИнорог в гости просится,
СоН превратив на мгновение
В сКазку, знакомую с детства,
СтАвшую, как наваждение
НаМ, что досталась в наследство.

Колодец

Светлане Складневой

Сад плывет в лазури прусской,
Ковш к венцу прибили волны.
Летом жарким, тропкой узкой,
Ясным днем, с ведерком полным,
Дети подходили к лесу
Напоить водой живую
Ель, таежную принцессу,
В пламени оставив хвою...
А прусский сад плывет в лазури.

««Сохнет» дождь по цветам...»

Светлане Складневой

«Сохнет» дождь по цветам,
Клубни тучные молнии мечут,
Ливни линей омоют ту встречу.
Я бродил где-то там
До высоких берез.
Находил, чтоб наполнить украдкой
Ее корни слезой полусладкой
В общей горечи слез
Аллегорией грез.

«Будем друзьями, хоть понарошку?...»

Ольге Будиной

Будем друзьями, хоть понарошку?
Утром июньским готовим окрошку,
Днем погуляем в саду, где ирисы,
И после чая польем кипарисы.
Ночью костер разведем из газет,
А если откажешь, тебе Баязет.

«Абсент и коррида...»

Абсент и коррида

Ночного Мадрида.

Желания, страсти...

Европа во власти

Лунного облика северной девы,

И можно услышать среди тишины

Как в стоне любовном порою слышны

Арктических песен напевы.

«Облако-лето по осени мчится...»

Облако-лето по осени мчится,
Капли смывают июльский загар,
Сон черно-белый мечтает прибиться
Аистом к стае уставших гагар.
Ночь-Барселона, Облако-Птица,
Алое платье в дымке сигар.

«Купите, господа, розы...»

Купите, господа, розы,
Рисунки, книги и часы
Имперского периода. Мимозы
Сам бы купил для Красы.
Только барыша нет,
Ибо беден поэт и живет для красы,
Ночью видит Kristall и созвездий букет.
Astrum в ярости тиамата.

«Явилась утром в келью для раздора...»

Явилась утром в келью для раздора,
Руками крепкими защелкнула капкан.
Осенний блюз рыдал: «Она же Айседора».
Свинг вторил: «Это же Дункан».
Лишь на бульваре Серебристом
Ангольским ритмом воздух трясся,
Волк в настроении игристом —
Авророй для него царевна Яся.

Глава третья

Парад планет

«Я стираю не часто...»

Ольге Зарубиной

Я стираю не часто,
но огненно,
О тебе попрошу я у Деда.
О тебе бы проверил доподлинно,
О тебе бы была беседа.

«Пою кошерно, ем – потею...»

Елене Ткалиной

Пою кошерно, ем – потею,
Часы дарю календарю,
Да я на вас дышать не смею,
Лишь чаще прежнего курю.

Вот бузину сажал наместни
И в Киев дяде написал,
Что есть стихи о вас и бредни.
Он долго голову чесал.

Кстати

Серебристому бульвару посвящается

Серебрится бульвар, кстати.
И снежинки-опилки кругом,
А соседи-разбойники (тати)
Кстати покинули дом.

Есть кастрюля, ведро и приемник,
Пьеса, ноты, тарелка и плед.
Есть окно, а под ним подоконник,
Что прослужат мне несколько лет.
Что люблю из горячего? Виски.
А под старость сухое вино.
Я один, нет ни мухи, ни киски,
Не покажут бесплатно кино.
Кстати, есть два билета на Ольгу.
Не пойдешь – загоню, так и знай.
И терплю вас постольку – поскольку,
Кто-то сеял, а я пожинай?
Серебрится бульвар
Кстати, кто-то чешет под синим зонтом,
Говорят, что понравился Кате,
Кстати, сказал управдом.

Кто обидит поэта?

Кто обидит поэта? Да еще инвалида?!
Кто забьет трубку мира в косяк?!
Дверью хлопнет в висок индивида?!
Кто прочтет и проямлит: «так-сяк»?!

Расступись. Покажись, кто удалый.
Где тот бубен шамана в трико?
Я уверен, ты грамотный малый,
Без акцента поешь «Сулико».

Без акцента играешь на скрипке,
Носишь попика цепь для понтов.
Но для нот твоих, ярких и липких,
Хватит с толикой синих зонтов.

«Вот под зонтиком торчу...»

Вот под зонтиком торчу,
Цвет, конечно, синий,
И гражданочке хочу
Что-то спеть про иней.

Рассказать, что мир иной,
Не такой, как в книгах.
Намекнет: «Возьмешь женой?»
– Видишь руку в фигах?

– Я слепая, сунь под нос,
пожалей беднягу.
Приюти. Спаси, Христос,
Савояр-бродягу.
Что сказать? Жив бог во мне:
Прописал и помер.
Так на жизненном столе
Разложили покер.

«Так создавалось мнение...»

Ксении Душиной

Так создавалось мнение,
Что сестра милосердия Ксения,
У которой подушка чуть мятая,
Спит в очках, значит, чуть слеповатая,
Не заметит багдадского вора.
Затаюсь. Не сдаюсь. Тише, ворон.
Не накаркай полночной тревоги.
И вообще отвернись от окна.
Чур! Не выдадут Русские Боги.
Вот удача – под утро одна!

«О чем молчит твоя печаль...»

Ольге Немзер

О чем молчит твоя печаль,
Листок, гонимый сквозняком.
Янтарь паркета и вуаль,
На солнце роза с коньяком?
Ее тончайший аромат —
Моя надежда – не мечтай!
Зеро на все – вам шах и мат!
Ей только сказки подавай...
Рисуй, Альберт, и не зевай
у горы Фудзияма.

«Храни меня, гусарский бог...»

Храни меня, гусарский бог,
Денис Давыдов и Кобзон-т!
Похоже, сделал все, что мог.
Уходит в дождь мой синий зонт.

Нордическая суббота, однако

Вот суббота как суббота,
Отдохнул от вечных дел.
В клубе-чуме лишь работа:
Кто играл, а кто потел.

Проиграл онучи в карты,
Шел от чума песни пел.
Проиграл оленей, нарты,
Тещу, дедов самострел.

Станет в чуме попросторней
И у чума посвежей.
Просушу, однако, корни,
Шкуры белок и ежей.

Место тещи под джакузи,
Вокруг чума авеню.
Самострелу – ша! Есть УЗИ...
Быть на скатерти меню!

Что еще? Детей всех к теще.
Чтоб ее задрал лесник
В нашей приборотной роще,
Чтоб потом сожрал и сник.

Мы с голубушкой-женою
Одну ночку отдохнем...
А проснемся лишь весной.
Нет, не рано, в общем, днем.

Моя мечта

Радченко Александре

Под шапкой белых облаков,
Над клевером у склона
Лишу невидимых оков
Мечту от долгого полона.

Став основанием для снов
На небосклоне алом,
Блеснет, лишенная оков,
Магическим кристаллом.

Осветит изумрудный рай
Седые дебри яра
И поведет в далекий край
Слепого савояра
Моя мечта.

«Вологодский сказ о том...»

Вологодский сказ о том,
как художник Альберт попал на
ярмарку в Харовск.

– Купи камчатского бобра!

Иначе подложу.

Все больше от него Добра

Я щедро отслужу.

(Купил):

– Я жизнью жил и не тужил.

Я «жи» и «ши» писал, как мог.

Я ел, как мог, качался в поле.

Но врут, что пел:

«Жынюсь на Оле» в ля-миноре!

(Блабуду) – ду у горы Фудзияма

Глава четвертая

Он стоит у окна

Не было шести. Он стоял у окна и смотрел на раскисший Бремен. Город не встретил его этой ночью. Раздавленный небесным свинцом, он вымучивал сны, он видел себя высоким и стройным, озаренным солнцем и смехом женщин...

Утро. Они встречали его у ворот тюрьмы, все. Полтора года за нападение на полицейского. С того дождливого утра прошло много лет. Полтора года за нападение на полицейского...

Они стояли, как сестры, стояли молча и не замечали, как ненавидят друг друга. Одна была с цветами. Лица не вспомнить, но, кажется, Хелен. Он никогда не помнил ее лица, только черное платье с ниткой жемчуга. Духи? Она не пахла. С цветами Хелен. Хелен фон Кравиц, аристократка, красавица, хозяйка антикварного салона на Фридрихштрассе. Старый друг Хелен, скупившая две трети его картин, сделавшая его богатым и свободным. Хелен, платившая ему пятьсот марок за ночь...

5.37. Бремен не встретил его. Берлин не проводил. Любимый ночной Западный Берлин не заметил его бегства, проиграл его в рулетку, пропил в дешевом борделе, Берлин проколол его в вену. Еще три часа и все изменится. Конечно

же, Хелен первая обнаружит его пропажу, первая бросится к телефону и они опять станут сестрами. Они перевернут полицейские участки, больницы, морги. Они устроят красивое шоу.

Часы показывали без четверти шесть. Маленькая комната. Чемодан и этюдник брошены на кровать. Сырость и полумрак. В Бремене дождь.

Весной он записался в фольксштурм. Их рота стояла на Лейпцигштрассе, и он успел подбить два танка. Потом был плен. Потом....

5.52. Ему показалось, что дождь усиливается, дом напротив растаял, в руке щелкнула зажигалка. Полумрак.

Они стояли, как сестры. Кто был еще? Лицо с родинкой на щеке, прямые белые волосы... Рита, журналистка из «Шпигель». Огонек сигареты отразился в окне. Еще левее фрау Шиманн, организатор той выставки, на которую он пришел во взятом у Марека за пятьдесят марок costume. Он уходил знаменитым, его несли... Это потом он набил морду Мареку, то ли поляку, то ли еврею, и порвал его костюм. Марек умер десять лет назад, и на его могилу приходил только он, с букетом хризантем... Здесь похоронен Марек Лебовски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.